

„ДЯДЯ ВАНЯ“

Премьера Калининского областного театра драмы

...Вторая половина душевного дня.

На аллее сада, в тени, против террасы господского дома, сервирован для чая стол. У самовара сидит маленькая старушка в белом чепце — няня Марина и, ворча, без нужды передвигает посуду. Через дорожку, справа, меж старых тополей, покачиваются качели. От них к столу расхаживает доктор Астров. На его сосредоточенном лице изредка появляется и застывает ироническая усмешка. Движения то порывисты, то вялы, бессильны. Чувствуется, что он томится от безделья, но и уезжать отсюда ему тоже неохота, а ведь...

Нехота принимая стакан чая, он спрашивает:

— Нянька, сколько прошло, как мы знакомы?

— Сколько? Дай бог память...

— Старушка вслух перебирает в памяти минувшее.

— Ну, значит, лет одиннадцать прошло, А, может, и больше...

В конце аллеи — затянута зеленой тиной пруд; за ним — рядок тонких березок, тронутых оранжевыми красками ранней осени, бурый луг, разлетевшийся до синего леса на горизонте.

— Да... В десять лет другим человеком стал.

Астров глубоко опускается в плетное кресло. На лице его — опять та же ироническая усмешка, а слова звучат грустно.

— А какая причина? Заработал, нянька... Да и сама по себе жизнь скучна, глупа, грязна... Затягивает эта жизнь...

Разговор то разгорается, то затухает на полфразе. Слышится только шеститочный шепот.

На сцене еще ничего не произошло, герои еще не сказали ничего важного, а зритель уже почувствовал, что он является свидетелем каких-то больших событий, уже ощутил тревожную, таинственную атмосферу, нарастающую в усадьбе профессора Серебрякова.

Это ощущение усиливается с появлением на сцене дяди Вани. Он останавливается на верхней

ступеньке крыльца, шурится, зевает и разглаживает помятое широкое лицо, обожженное русой бородкой. Ему далеко за сорок. Он несколько грузен, но подвижен и силен.

Сойдя в сад, он тяжело опускается на скамью, оправляет хорошо сидящий на нем пиджак и на вопрос Астрова: «Выспался?», — недовольно отвечает:

— Да... Очень. С тех пор, как здесь живет профессор со своей супругой, жизнь выбилась из колеи... Прежде минуты свободной не было, а и Соня работала — мое почтение, а теперь работает одна Соня, а я сплю, ем, пью... Нехорошо!

Высно и сядо высмеивает дядя Ваня отставного профессора — его вздорный характер, напыщенность, его бесполезную жизнь; достается и «старой галке» — матери Ивана Петровича, «пятдесят лет» допевающей про женскую эмансипацию; но шадит он и себя...

По мере знакомства с героями спектакля ощущение неадекватности, мизантропии и вместе глубокого трагизма жизни, силы искусства возмужавшей на сцене, становится у зрителя все более определенным. Когда же во втором действии мы слышим слова Елены Андреевны, обращенные из полутьмы комнаты к дяде Ване: «Неблагополучно в этом доме, мы вдруг ловим себя на мысли, что происходившее вовсе не ограничено стенами этого дома, что река идет не о трагедии одной — двух жизней, что Чехов рассказывает об общественных порядках в самом широком смысле слова. Неблагополучно, не устроена жизнь в России».

Театр, ставя «Дядю Ваню», проникновенно раскрывает и в живых художественных образах донес до зрителя основные, определяющие мотивы творчества великого писателя.

Антон Павлович Чехов был врагом «старой, прогнившей крепостнической, самодержавной, рабской России» (Ленин). Он беспощадно критиковал самодержавный строй, угнетавший народ. Вместе с этим он безгранично любил свою Родину, русский народ

и верил в его неограниченные силы. Обнажая изнанку жизни, показывая споры современникам, как они тускло, скудно, плохо живут, демократ Чехов звал к переустройству общественных порядков. Поэтому с большой любовью и необычайным богатством теплых красок он зарисовывал образы людей с возвышенными общественными идеями, с легкой и чистой душой, людей конкретного, нужного народу дела.

Естественно, что в спектакле внимание зрителя прежде всего привлекает доктор Астров.

Елена Андреевна в минуту душевной открытости говорит о нем своей падчерице Соня:

«Милая моя, пойми, это талант! А ты знаешь, что, значит талант? Смелость, свободная голова, широкий размах... Посадит дерево и уже загадывает, что будет от этого через тысячу лет, уже мерещится ему счастье человечества...»

Актёр А. Вейцлер, выразительно передавая душевную красоту и широту мыслей Астрова, представил волюнтерный образ этого незаурядного человека. С глубочайшей убежденностью, вдохновенно говорит Астров (Вейцлер) о том, что «в человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Высшую красоту человека он видит в его труде на благо народа.

И доктор Астров трудится, не жалея своих сил и времени. Лечит, борется с эпидемиями, просвещает крестьян, разводит сад, заботится об общественных делах.

Глубоко впечатляюще звучат слова Астрова о том, что человек «одарен разумом и творческой силой» для того, чтобы приумножать красоту земли и ее людей.

«Когда я прохожу мимо крестьянских лесов, которые я спас от порубки, или когда я слышу, как шумит молодой лес, посаженный моими руками, и сознаю, что климат немощно и в моей власти, и что, если через тысячу лет человек будет считать, то в этом немощно буду виноват и я. Когда я сажу березку и потом вижу, как она зеленеет и качается от ветра, душа моя наполняется гордостью...»

Мрачная действительность, гасящая «огоньки» на пути Астрова, наложила на него свой отпечаток. Он плет, временами его одолевает лень и тоска. Однако А. Вейцлер сумел тонко, убедительно сказать зрителю, что есть в душе у Астрова какая-то стружка, которая не позволяет и, вероятно, не позволит ему сломаться. Навсегда покидая усадьбу профессора, Астров бережно уносит свою палку с чертежами и планами. Возможно, творческий труд на благо народа, общине с народом спасут его. Именно такой был в то время путь многих представителей передовой русской интеллигенции, которым были дороги интересы тружеников.

Дядя Ваня, друг доктора Астрова, — это собирательный образ множества маленьких незаметных тружеников, отдающих себя служению ложным, пустым «идеалам» самодержавной России, обманутых и раздавленных презренной жизнью.

С подлинной жизненной правдой, уверенно, бережно и страстно рисует заслуженный артист РСФСР И. Лобанов образ человека, у которого прошлое «глухо израсколдовано на пухляки, а настоящее ужасно по своей нелепости».

Всю жизнь честно проработав дядя Ваня на профессора Серебрякова. Под старость понял, что растрастил себя бессмысленно, ради ничтожества. Из самых глубин его сожженной стачаньем и тоской души вырываются слова:

«О, как я обманут! Я обожал этого профессора, этого жалкого податника... Я гордился им и его наукой, а жина, я дышал им! Все, что он писал и изрекал, казалось мне гениальным... Боже, а теперь? Вот он в отставке, и теперь виден весь итог его жизни... Мылый пузырь! И я обманут...»

Несчастного человека, одинокого в огромном доме, шатает горе...

Сильное впечатление оставляет также трагический «бунт» дяди Вани, с предельной художественной выразительностью проведённый актёром.

А. Швайнгер хорошо, с большой внутренней теплотой представил Соню — трогательно прекрасную в своей духовной чистоте, молчаливой любви, срадающих, трудолюбивой и мечте о жизни светлой, прекрасной, излучающей.

Особенно удавался Швайнгер сцена

во втором действии, когда Соня просит Астрова бросить пить. Нежную, робкую любовь этой девушки и ясную душу хорошего, чуткого человека правдиво показала здесь актриса.

Деспотическая, самодержавная Россия с ее ненужными народам «идеями» и «идеалами», с отравляющей праздностью, ленью и тупостью ее «власть имущих» предстает перед нами в образах профессора Серебрякова и его жены Елены Андреевны.

Отталкивающий образ чопорного, напыщенного ничтожества, двадцать пять лет морочившего людей и заблуждавшего чужую жизнь, мастерски нарисовал артист П. Заицев. В его исполнении Серебряков кажется нарочно сотворенным злыми силами для того, чтобы мешать людям жить, чтобы отравлять их старческой жалостью и пошлым тиранством. Таким он появляется на сцене, таким — неумным, жестоким и ненужным в жизни — он исчезает с глаз.

Елену Андреевну доктор Астров называет «Хищница милая... Красивый, пушистый хорек...»

Такой эту женщину и представила Е. Попова.

Елена Андреевна действительно прекрасна. Но ее красота никому не дает счастья, не зовет к радости, к труду; она бесцельна и тлетворна. Бездушная и ленивая, Елена Андреевна сама не работает, а привасяла другие своей нежной красотой, отравляет их, мешает им трудиться, быть счастливыми. Она умышленно помешала возможной любви Соня и Астрова, лишала дядю Ваню покоя и друга... Без цели в жизни Елена Андреевна сама не нужна в жизни: она опустошает ее.

Эти черты своей героини актриса особенно тонко и правдиво раскрыла в сценах разговора с Соней и объяснения с Астровым (третье действие).

В спектакле «Дядя Ваня» театром раскрыты огромная глубина слова гениального художника, его внешний и внутренний смысл, или, как определил Немирович-Данченко, «подводное течение» чеховской драматургии. «Неблагополучно в этом доме», — говорит Елена Андреевна. Фраза точно создает атмосферу душевного одиночества героини и обстановку, в которой она прописана. И в то же время слова эти заставляют зрителя мысленно расширить картину и сделать обобщение; то же самое происходит, когда Астров произносит свой знаменитый монолог о лесах (третье действие), а также во многих других сценах спектакля.

«Другие драмы не отвлекают человека от реальности до философских обобщений — ваши делают это...», — писал Горький Чехову.

То, что театр сумел донести до зрителя все богатое содержание чеховской пьесы, — серьезное творческое достижение коллектива исполнителей и режиссера постановки спектакля Н. Чефановой. Осуществляя спектакль, режиссер стремился к выразительной простоте и естественности мизансцен, к правдивой и глубокой психологической трактовке актерами образов героев. Это было достигнуто.

Запечатлен спектакль своей яркой ансамблевостью. «Второстепенные» герои — «Валя» (Н. Лукьянов), Мария Васильевна (С. Камская), старая няня (О. Лаконоская) — вовсе не «эпизодические» лица на сцене. Они сыграны, как полноценные художественные образы, и рядом с «главными» героями дают верное представление о жизни, запечатленной Чеховым.

Хороший вкус, знание эпохи и яркое живописное мастерство проявились в оформлении спектакля художники И. Мятин и А. Маршев.

Безродные космополиты ласкиски превозносили драматургию буржуазно-го Запада и замалчивали или охивали богатства отечественного искусства. Постановка Калининским театром драмы содержательного, яркого спектакля «Дядя Ваня» свидетельствует о непреодолимых глубинах и художественных сокровищах, созданных нашим народом.

Спектакль вызывает гнев и ненависть к царским палачам, дворянам и капиталистам, которые подвергали насилием и издевательствам нашу прекрасную Родину. Спектакль с новой силой пробуждает у нас гордость за нашу новую, ясную, разумную советскую жизнь, заставляет с благодарностью думать о мудрой партии Ленина — Сталина, ведущей нас к коммунизму.

Вас. КАМЯНСКИЙ.

Ответственный редактор А. А. МОСУНОВ.

Адрес редакции: гор. Калинин, Красноармейская улица, дом № 63. Телефон редакции: зам. редактора — 3-99-21, секретариат — 3-05-11, отделы партийной жизни, пропаганды, культуры и быта — 3-16-33, промышленный — 3-03-81, сельскохозяйственный — 3-28-81, советского строительства — 3-02-74, информации и писем трудящихся — 3-09-35, бухгалтерия и прием объявлений — 3-02-84, прием иностранной информации — 3-07-21.

Типография областного управления издательства и полиграфии